

— Тракта́т о мире между Сун и Ляо — это заслуга Императора Кайпина. Процветание этой пышной эпохи — тоже труды Императора Кайпина. Вы, не страшась невзгод, проложили три государственные дороги и отдавали все силы ради блага народа. За все тридцать два года, если только вас не подкашивал тяжелейший недуг, вы ни разу не пропустили утренний прием. В Великой Сун еще не было государя, столь ревностно и неустанно правившего страной. Ваша жизнь полна невероятных лишений: тридцать два года изо дня в день, словно у аскета... Нет, вам жилось куда тяжелее любого аскета.

Чжао Фу выпрямился, вытянув спину в неподдельном порыве, а на его лице отразилось непередаваемое чувство.

— Чунмин! — воскликнул он.

Цзи Вэнцзи с грустной тоской продолжал:

— Замена монет бумажными деньгами — насколько же это трудно! Вы годами терпели такое давление, но так и не отступились. Великая Сун благословенна тем, что у нее есть вы: это счастье для сотен чиновников, счастье для всего народа. За свою жизнь я служил двум императорам, но истинным владыкой для меня навсегда останетесь только вы, Ваше Величество.

Чжао Фу произнес с глубоким чувством:

— При дворе Я всегда знал: ты единственный, кто понимает Меня лучше всех.

Цзи Вэнцзи поднял взгляд:

— Поэтому вы и хотели доказать: даже если трон достался вам через отцеубийство и братоубийство, вы не совершили ошибки. Чжао Шан подобен вам, а Чжао Цзи и Чжао Цзин — бывшему наследному принцу. И если бы история повторилась, любой на вашем месте сделал бы тот же выбор и поступил точно так же.

— Разве Я ошибся? — спросил Чжао Фу.

— Вы не ошиблись. Нет нужды в повторении — вы ни в чем не ошиблись.

Чжао Фу прикрыл глаза, сдерживая подступившие к векам горячие слезы.

— Но и бывший наследный принц не совершал ошибки. Да и Чжао Шан, Чжао Цзин, Чжао Цзи — разве кто-то из них виноват? — медленно произнес Цзи Вэнцзи. — Вы — просвещенный правитель. И в то же время вы — эгоистичный монарх, идущий в одиночестве. Ваше Величество, на этом пути подданный больше не сможет сопровождать вас: вы ведь всегда шли одни. И теперь до меня дошло кое-что еще.

Чжао Фу, к удивлению, не разгневался. Он лишь улыбнулся Цзи Вэнцзи:

— И что же?

— Год назад вы бы ни за что так не поступили. Вы сомневаетесь в себе, вы пошатнулись, убоялись... Неужели кончина Вдовствующей императрицы заставила вас страшиться загробной жизни и бояться сгинуть в преисподней?

Улыбка на лице Чжао Фу застыла.

Ответа не требовалось — Цзи Вэнцзи прочел всё по выражению лица государя. Он покорно поклонился и сложил руки в глубоком почтении:

— Ваше Величество, коль скоро вы вышли победителем, к чему помышлять о никчемных людях и никчемных делах? Вы — это вы. А в поднебесной еще осталась тьма дел, ожидающих, когда Ваше Величество развеет туман заблуждений и сотворит новый мир.

Во Дворце Фуин взоцарила долгая, гнетущая тишина.

Спустя долгое время Чжао Фу произнес:

— Ступай.

— Слушаюсь.

— Погоди.

Цзи Вэнцзи остановился и обернулся к этому одинокому и мудрому государю.

Чжао Фу с улыбкой сказал:

— Чунмин ошибается кое в чем. Чжао Цзин и Чжао Цзи действительно похожи на Чжао Сюаня, но Я никогда не был Чжао Шаном.

Зрачки Цзи Вэнцзи сузились.

— О том, о чем Я спрашивал, Чунмин так и не дал Мне ответа, — продолжал Чжао Фу. — Тридцать два года назад всё происходило без тебя. Сегодня Я перебирал в уме многих... Думал даже о Ван Цзюане, что он придет во дворец. И только о тебе не подумал. Зачем же ты пришел? К чему всё это?

В душе Цзи Вэнцзи бушевали бури. Он с глубоким уважением и серьезностью посмотрел на стоящего перед ним государя. Столько лет сквозь бури и невзгоды он считал себя тем, кто знает этого человека лучше всех, но в конце концов не смог угадать его помыслов. Да и разве хоть кто-то в этом мире способен постичь думы императора?

Осознав это, Цзи Вэнцзи произнес:

— Ваше Величество изволил сказать, будто я не принадлежу ни к фракции бывшего наследного принца, ни к Фракции Сунцин.

Лицо Чжао Фу слегка изменилось. Напустив на себя спокойствие, он спросил:

— Разве Я ошибся?

— Ваше Величество не ошибся. Я — всего лишь обладатель степени «равнозначный цзиньши». Как я мог войти во Фракцию Сунцин или удостоиться внимания бывшего наследного принца? Но в тот год, на Пире Цюнлинь в честь вывешенных списков сдавших экзамены, я, будучи выходцем из бедняков, сильно опьянел и осрамился на людях. Пока собутельники-цзиньши тайком насмехались подо мной, один человек поддержал хмельного слугу и сказал: «Великие мужи поднебесной не спрашивают о происхождении».

Чжао Фу уже понял, о ком идет речь. Под драконьим халатом его пальцы сжались в кулаки.

Цзи Вэнцзи бросил на него долгий взгляд и с улыбкой проговорил:

— Ваше Величество, да и найдется ли в поднебесной хоть кто-то, кто не любил бы Чжао Сюаня?

Цзи Вэнцзи повернулся и ушел.

Стоило ему уйти, как из Дворца Фунин донесся звон бьющегося фарфора, который не утихал еще очень долго.

Когда Левый канцлер покидал Дворец Фунин, он случайно встретил направлявшегося на аудиенцию к государю министра Приказа наказаний Гэн Шаоюнь. Увидев его, Гэн Шаоюнь весьма удивился и отвесил поклон:

— Приветствую канцлера Цзи.

Цзи Вэнцзи ответил поклоном, но не проронил ни слова.

Гэн Шаоюнь долго прождал снаружи Дворца Фунин, пока Чжао Фу наконец не призвал его в зал. Заметив усеянный осколками пол, Гэн Шаоюнь содрогнулся в душе, но сдержанно прошел во внутренний покой и ниц склонился в поклоне. Чжао Фу обессиленно взглянул на него и с горькой болью в голосе вымолвил:

— Ванцин, сердце Мое обливается хладом!

Девятого числа первого месяца эта масштабная драма с принуждением государя к отречению наконец завершилась.

Ужасный монах Шаньтин, обманом втершийся в доверие к государю и посеявший смуту при дворе, воспользуясь болезнью Сына Неба для учинения мятежа, был заточен в темницу в ожидании казни. Левый канцлер Цзи Вэнцзи, вступивший в сговор с нечестивым монахом и готовивший государственный переворот, во внимание к его многолетним трудам и великим заслугам перед державой был лишен всех чинов и отправлен доживать свой век на покое.

Четвертый принц Чжао Цзин и Пятый принц Чжао Цзи, опрометчиво доверившись злодеям и спровоцировав мятеж в город Шэнцзине, были сняты со своих постов и отправлены под домашний арест для размышлений над своими проступками.

Правый помощник канцлера Сюй Би был возведен в должность Левого канцлера, министр Приказа наказаний Гэн Шаоюнь занял пост Правого помощника канцлера, а правый заместитель министра Приказа чинов Юй Чаошэн стал министром Приказа наказаний.

От этой череды назначений и опал у придворных рябило в глазах. Однако полнейшей неожиданностью для всех стало то, что император отозвал из Циньчжоу правителя уезда Чжао Цзина, назначив его правым заместителем министра Приказа чинов с присвоением третьего чиновничьего ранга.

Чжао Цзин был любимым учеником Цзи Вэнцзи. И пока Цзи Вэнцзи лишался чинов, Чжао Цзин, пройдя сквозь годы невзгод, вознаграждался за терпение и вернулся к службе в столице.

Шестнадцатого числа первого месяца, на первой в тридцать втором году Кайпин великой утренней аудиенции, сановники собрались во Дворце Цычэнь. Тан Шэнь тоже увидел Чжао Цзина, одолевшего тысячеликий путь из Циньчжоу.

Здоровье императора, казалось, по-прежнему оставляло желать лучшего. Пережив эту сумбурную смуту, он выглядел еще более дряхлым, однако взгляд его стал суровее и пронзительнее. Теперь никто не смел и подумать, будто дни государя сочтены. Разве мог умирающий правитель внезапно очнуться посреди хаоса дворцового переворота и крепкой рукой взять власть в свои руки?

Некоторые из придворных уже догадывались о доле истины, другие же, пребывая в неведении, трепетали от страха и с еще большим благоговением склонялись перед государем.

Во время утреннего приема Чжао Фу тихим голосом произнес лишь несколько фраз, вскользь упомянув о событиях первого месяца.

Сюй Би, стоя во главе гражданских чиновников, возглавил чиновный люд, вознеся поздравления в честь тридцать второго года Кайпин: да пребудут в стране мир и покой, да благоприятствуют небеса урожаю.

Когда утренний прием завершился, Тан Шэнь смог получше разглядеть Чжао Цзина.

Четыре года назад из-за упущений в управлении Финансовым приказом Чжао Цзин был сослан Чжао Фу в Циньчжоу: из высокопоставленного сановника второго ранга он превратился в скромного градоначальника четвертого ранга. Теперь он вернулся в столицу правым заместителем министра Приказа чинов третьего ранга, но фракция Цзи при дворе уже потеряла былое могущество. Сам Чжао Цзин успел поседеть: ему едва исполнилось сорок с небольшим, а выглядел он словно глубокий старик.

Тан Шэнь чувствовал себя беспомощным челноком, дрейфующим по неистовым волнам бушующего океана.

На следующий день, стоило Тан Шэню вернуться со службы домой, за ним снова приехал управляющий из Усадьбы Правого канцлера.

Тан Шэнь удивился:

— Правый канцлер ожидает меня в усадьбе?

Управляющий с улыбкой ответил:

— Поедете — и сами всё поймете, господин.

Тан Шэнь ничего не понимал, но вскоре заметил, что экипаж направляется вовсе не к Усадьбе Правого канцлера на востоке города, а катит дальше на юг — прямоком за пределы города Шэнцзина!

Повозка неспешно миновала городские ворота и остановилась у Беседки десяти ли. Выйдя из экипажа, Тан Шэнь увидел Правого канцлера Ван Цюаня: тот, облаченный в черное деяние, уже ждал его в беседке. Тан Шэнь тут же поспешил к нему:

— Приветствую двоюродного деда. Зачем вы призвали меня?

Ван Цюань ничего не ответил, лишь оглядел его с ног до головы:

— Мое упущение... Я думал лишь о том, чтобы ты скорее прибыл, и не учел, что ты будешь в чиновничьем платье. Сегодня у нас личное дело, следовало приготовить и для тебя черное

деяние. Клан Ван предпочитает носить черное одеяние, тебе ведь известно?

— ...Известно, — ответил Тан Шэнь.

Ван Цюань собрался было заговорить, но вдруг увидел экипаж, приближавшийся со стороны Шэнцзиня:

— А вот и он.

С этими словами он широким шагом подошел к тракту, и Тан Шэнь проследовал за ним.

Повозка неторопливо остановилась. Сидевший внутри человек отдернул шторку и, увидав Ван Цюаня, слегка изумился:

— Канцлер Ван?

Ван Цюань отвесил поклон:

— Канцлер Цзи.

Цзи Вэнцзи сошел со ступеней повозки, ответил поклоном и проговорил:

— Я ныне лишь опальный чиновник, откуда взяться канцлеру Цзи?

С этими словами он бросил взгляд на стоявшего рядом Тан Шэня.

Тан Шэнь тут же склонился перед ним в глубоком поклоне.

Ван Цюань с безмятежным видом молвил:

— Коль так, то для человека в черных одеждах — откуда взяться канцлеру Вану?

Они переглянулись и оба рассмеялись.

В стенах двора Фракция Цзи и Фракция Вана соперничали долгие годы. Они не были смертельными врагами, но оставались непримиримыми политическими противниками. И кто бы мог подумать, что теперь Цзи Вэнцзи и Ван Цюань будут вот так стоять за городом, у Беседки десяти ли, непринужденно беседовать и согреть воздух искренним смехом?

<http://bllate.org/book/18292/1757493>